

А. Н. Ливанова

ВРЕМЕННОЙ ТЕСТ ФИЛЛМОРА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НОРВЕЖСКИМ ГЛАГОЛАМ МАРШРУТА

Пространственный компонент присутствует в семантике выделяемых во всех глагольных классификациях глаголов местонахождения и движения, или перемещения; в качестве последних понимаются «лексемы, обозначающие ситуацию, при которой субъект в какой-то момент времени занимает местоположение L1, а в некоторый следующий момент — местоположение L2. L1 при этом является начальной точкой движения, а L2 его конечной точкой»¹.

По средствам выражения компонентов движения норвежский (как и другие германские языки, а также и славянские) принадлежит к языкам сателлитного типа, т. е. таких, в которых «предпочтительным средством выражения маршрута является неглагольный элемент, присоединяемый к глаголу»² — так называемый сателлит, по терминологии Талми, или локализатор³. В норвежском это может быть наречие, приставка, предлог, преверб, чаще всего лишь уточняющие или усложняющие выражаемый смысл⁴. Возможно и употребление глаголов без сателлитов, или абсолютное, в особенности «когда глагол в абсолютном употреблении означает начало движения, приступ к нему, отправление, отход»⁵.

Именно таковы в сателлитных языках некоторые глаголы перемещения, в значении которых присутствует семантический пространственный компонент как «часть его лексического значения»⁶, или так называемая встроенная семантика движения (типологиче-

ски не необычная: среди возможных сем, представленных в структуре глагольной семантики, называют и «различные пространственные и временные локализаторы процессов»⁷). Это глаголы прибытия и глаголы удаления, исследованные подробнее всего в русском и английском языках⁸. Хотя в этом вопросе много непроясненного, так как встроенная семантика, при которой компоненты поверхностно не выражены, сложна для толкований — неизвестен ни полный перечень ролей, т. е. семантических валентностей, ни «исходный набор поверхностных средств для выражения каждой роли»⁹, считается, что различаются эти глаголы валентностями: глаголы удаления (source-oriented) обязательно имеют семантическую валентность начальной точки, а глаголы прибытия (goal-oriented) — конечной.

Фокусирование внимания на конечной точке — особенность семантики *прийти* и *come* (что верно и для немецкого языка: «Наиболее распространенным способом выражения достижения конечного пункта движения является употребление глагола *kommen* отдельно или в сочетаниях с причастием *II*»¹⁰), в то время как у *go* в тени остается именно эта точка, что, как указывает Е. В. Падучева, отмечено еще Годдардом¹¹. При этом «семантически обязательная валентность может быть поверхностно не выражена именно в силу своей обязательности — способ ее заполнения известен говорящему и слушающему, и тогда поверхностное выражение оказывается избыточным»¹².

Для выявления того, начальная или конечная точка движения «встроена» в семантику отдельного глагола и составляет для него точку зрения — *point of view*, Филлмор предложил так называемый временной тест — вопросы со словами *когда* или *во сколько*: «...если при глаголе *come* указано время, то это время прибытия; тогда как у *go* обстоятельство времени фиксирует время отправления»¹³. Предлагались также термины «точка отсчета», «позиция наблюдателя», «точка зрения» и др. (критическое рассмотрение их не предусмотрено в этой статье). С. Д. Кацнельсон с отсылкой к А. Г. Шанидзе говорит о «глаголах субъективной ориентации», указывающих на направление действия «либо в сторону говорящего, либо от него <...> точкой отсчета движения, мерилom его здесь является сам субъект речи, говорящее лицо»¹⁴, имея в виду немецкие глаголы с приставками *hin-*, *her-*. Это приложимо и к рассматриваемым здесь глаголам, только у них эта сема встроен-

ная и потому неочевидная, как показывают толкования норвежских одноязычных словарей.

В настоящей статье рассматриваются, во-первых, норвежские глаголы *gå* и *komme*. То, что соответствующие английские эквиваленты ранее были исследованы, не остановило нас также и потому, что «языки чрезвычайно сильно различаются в отношении степени, в которой они грамматикализуют или лексикализуют пространственно-временной дейксис. Важно также понимать, что даже языки, которые весьма сходны в этом отношении на поверхности (например, английский, французский, немецкий), могут существенно отличаться в отношении более частных характеристик. Например, французские ‘ici’ и ‘là’ имеют не точно такое же значение, как ‘here’ и ‘there’, немецкие ‘kommen’ и ‘bringen’ не в точности соответствуют ‘come’ и ‘bring’»¹⁵. Так и норвежский *gå*, например, значительно уже английского *go* в обозначении способа передвижения, зато *komme* грамматикализован в конструкции с предлогом *til* и инфинитивом, служащей для обозначения действия в будущем.

Во-вторых, рассматривается также пара глаголов перемещения, относящихся к подгруппе глаголов доставки — *bringe* и *hente*.

Обычные русские словарные эквиваленты этих глаголов — *идти* и *приходить*, *приносить* и *забирать*. Впрочем, для *hente* эквивалентов столько, что они малоинформативны на первый взгляд (*идти* / *пойти*, *заходить* / *зайти*, *сходить за*, *ехать* / *поехать* / *заезжать за*, *приходить* / *прийти*, *приезжать* / *прийти*, *приносить* / *принести*, *посылать* / *послать за*, *доставать* / *доставить* и еще много других). Сопоставляемые лексико-семантические варианты этих глаголов занимают различное положение в структуре значения лексем (для *komme* он основной, а для *gå* основной — обозначение способа: *передвигаться пешком*).

Эти глаголы обращают на себя внимание как регулярной попарной встречаемостью в устойчивых сочетаниях (например, гостям, получающим ключ от жилища хозяина, говорится обычно *du kan komme og gå som du vil* ‘можешь уходить и приходить, когда тебе удобно»; выражение *vi henter og bringer* соответствует русскому «с доставкой / выездом на дом»), так и тем, что на первый взгляд глаголы в парах дополняют друг друга за счет того семантического компонента, содержанием которого они и противопоставлены, а именно имплицитно обозначенных начала и конца пути, что синонимично обозначению всей траектории за счет соположения в

одном высказывании лексем, в значении одной из которых представлен начальный, а другой — конечный пункт перемещения.

Уже обращение к первой паре показывает, что симметричность эта кажущаяся. В значении глагола *gå* при наличии компонента *peredvigat̃ься пешком* валентность на способ передвижения отсутствует; у глагола *komme* такого ограничения нет, и у него заполнять эту валентность может причастие от глагола движения, в том числе и *gå*, например, в сказке: *komme ikke ridende og ikke gående* ‘явиться не верхом и не пешком’. Асимметричность проявляется и в том, что по признаку наличия компонента *начало/конец пути* *komme* оказывается противопоставленным не только широкозначному *gå*, но и глаголу *geise*, в значении которого присутствуют как компонент *начало пути*, так и компонент *при помощи средства передвижения*. Важнейшие же семантические особенности их кроются в другом.

Говоря о первой паре, следует отметить, что здесь представлены так называемые широкозначные глаголы, обладающие разветвленной системой значений, простирающихся от обозначения конкретных действий до почти утративших лексическое значение структурных элементов, что позволяет в принципе рассматривать глаголы в соответствующих лексико-семантических вариантах как полувспомогательные. В нашей статье эти глаголы рассматриваются в их исходном пространственном значении. *Komme / gå*, как и *come / go*, противопоставлены позицией наблюдателя, которая совпадает с позицией субъекта в начале или конце движения: *gå (dit — туда)*, но *kom (hit — сюда)* — при необязательности наречного сателлита, т. е. для первого важная сема — именно удаление, какую полагал для английского *go* Филлмор¹⁶, в то время как у русского *идти* позиция наблюдателя никак не фиксирована, а как бы размазана по всей траектории, что и позволяет говорить «иди сюда»¹⁷ — по-норвежски только *kom (hit)*. Тест Филмора подтверждает эти выкладки. Ср.: *Når går toget?* ‘Во сколько отправляется поезд?’ — от начальной точки маршрута; *Når kommer du hjem?* ‘Когда ты придешь домой?’ — в конечную точку.

Конечная же точка движения для *gå* и начальная для *komme* — это, по-видимому, точка попадания в поле зрения говорящего, что косвенно отмечено и в норвежском толковом словаре, во всяком случае, при дейктическом употреблении¹⁸.

Однако при полагании временного промежутка, необходимого на преодоление пути, близким нулю (поверхностными маркерами

этого могут служить временные наречия nå — *сейчас же*, straks — *тотчас*, øyeblikkelig — *мгновенно*), начало пути, связанное с покиданием одного локуса, оказывается концом пути в другой локус, и gå оказывается синонимичным komme. Так происходит с эвфемистическим обозначением ухода из этого мира в мир иной, и хотя в норвежском более частотно gå bort, нередко в этом значении встречается и komme bort.

При употреблении же обоих глаголов пары вместе, как указывалось выше (du kan komme og gå som du vil) в фокусе внимания оказывается именно наличие в выражении обоих компонентов (начала и конца движения), т. е. указания на полную свободу перемещения, служащее концентрированным выражением полной свободы действий вообще.

В отношении точки отсчета больший интерес, однако, представляет вторая пара — hente и bringe. Обращение ко второй паре показывает, что отношения в ней не параллельны наблюдаемому в первой. В семантике обоих глаголов пары присутствует компонент *конец*, для которого как точки отсчета важна позиция говорящего. Немаркированность конечной точки выражается в простоте ее выражения на поверхности и большем числе семантических противопоставлений при выражении конечного пункта. Отсюда асимметричность относительно первой пары¹⁹. Кроме того, в ряде контекстов, когда наблюдатель находится в конечной точке, или когда точкой отсчета служит конец маршрута, hente и bringe ситуацию описывают одинаково: *bringe hjelp = hente hjelp privesnu no-mощь*.

Обращает на себя внимание разный функционально-стилистический статус составляющих пару лексем. Bringe маркирован стилистически, его употребление в рассматриваемом значении ощущается как книжное и устаревающее. Однако семантически он соответствует глаголу komme (в его значении также представлена сема *конец маршрута*) с добавлением валентности на объект доставки (а грамматически — с добавлением прямого дополнения). В нейтральной по стилю речи вместо bringe употребляется конструкция «широкозначный komme плюс предлог med с»: не Hun brakte en kopp kaffe ‘Она принесла чашку кофе’, но Hun kom med en kopp kaffe ‘Она пришла с чашкой кофе’. Гораздо частотнее переносное употребление этого глагола как каузативного: bringe noen i ulykke — *навлечь на кого-л. несчастье* (букв. *вовлечь кого-л в несчастье*).

Глагол *hente* семантически сложнее. Описываемый им маршрут кроме начальной и конечной точек подразумевает еще и промежуточную. О глаголах с «обозначенным промежуточным пунктом движения» писал еще С. Д. Кацнельсон²⁰, правда, в связи с изучением приставочных глаголов в немецком языке. Поверхностно в высказывании, содержащем *hente*, может быть выражена как промежуточная точка — *Jeg ble hentet på flyplassen av en av representantene* ‘Меня забрал из аэропорта один из представителей’; *Parket som er lagerstandard kan hentes omgående fra vårt lager* ‘Паркет складского качества можно немедленно получить на нашем складе’; *Det er ikke bare å komme hit (til Bolivia) og hente et barn* ‘Нельзя просто приехать сюда (в Боливию) и забрать ребенка’, конечная — *Du kan f.eks. bestille i lunsjen og hente varen på vei hjem* ‘Можно, например, заказать товар в обеденный перерыв и забрать по пути домой’; *Sjefene i den nye amerikanske proffligaen garanterer at norske spillere blir hentet over dammen* ‘Руководители новой американской профессиональной лиги гарантируют, что за норвежскими игроками приедут и заберут их в Америку’, так и обе — *De drar til Island for å hente ingeniører og hotellsatte til Norge* ‘Они отправляются в Исландию, чтобы доставить инженеров и гостиничных работников в Норвегию’.

Можно предположить, что при парном употреблении в выражении *vi henter og bringer* ‘с доставкой на дом’, типичном для рекламы предприятий сферы обслуживания, представлены оба глагола, поскольку маршрут перемещения объекта (ковра, который сдают в чистку, и т. п.) подразумевает два этапа с разными начальными и конечными точками: этап выезда представителей фирмы за объектом, где начальной и конечной точкой служит предприятие, а промежуточной — постоянное место пребывания объекта и его функционирования, откуда объект и забирают; и второй этап, где начальная точка — предприятие, а конечная — заказчик.

Как эти глаголы описывают ситуацию с разных точек зрения, наглядно иллюстрирует семантика образованных от этих глаголов сложных существительных *hentepris* — *цена самовывоза* (т. е. более низкая цена товара, который покупатель должен забрать сам; с точки зрения покупателя, этапа на маршруте два — из дома на склад, со склада домой) и *bringetillegg* — *наценка за доставку* (товара покупателю; с его точки зрения этап только один — со склада к нему домой).

В работе А. Морено и А. Пастор, исследующих английские глаголы доставки, в том числе эквивалент рассмотренной пары *bring* и *fetch*, в несколько ином виде подтверждается наша интерпретация их семантики, в частности, двухэтапность маршрута у последнего²¹.

Отметим, что и для этой пары глаголов при относительно малой длительности этапов маршрута конечная точка полагается совпадающей с начальной: *Ville han ha pølse, måtte jeg løpe og hente det* 'Если ему хотелось сосиску, мне нужно было бежать и принести ее'. В применении к таким случаям тест Филмора действительно выявляет конечную точку: *Når hentet du pølsa?* 'Когда ты принес сосиску (сюда)?'; *Når hentet/brakte de lege?* 'Когда привели врача (сюда)?'.

Однако ответ на вопросы *Når hentet hun barnet i barnehagen?* 'Во сколько она забрала ребенка из детского сада?'; *Når hentet han jakka på renseriet?* 'Когда он забрал пиджак из химчистки?' предполагает указание не на начальную или конечную, а на промежуточную точку маршрута, т. е. не на точку отсчета или точку зрения наблюдателя, который мыслится в конечной точке. Что же тогда выявляет этот тест?

Представляется, что самым подходящим кандидатом на эту роль служит семантическая тема в терминах Падучевой, или коммуникативный фокус = фокус внимания в терминах Мельчука и Иорданской²², благодаря которому «из полного сценария, описывающего ситуацию перемещения человека из одного места в другое, семантика глагола выделяет некую часть, оставляя все остальные в тени»²³. Иначе говоря, тест Филмора позволяет выявить, на какую из точек маршрута (не обязательно начальную или конечную) направлен фокус внимания в разных типах употреблений глагола, а не точку отсчета.

В статье упоминалось большое число переводных эквивалентов для *hente*. Объясняется это тем, что в зависимости от того, какая точка маршрута оказывается в фокусе внимания в высказывании, и должен подбираться русский глагол.

¹ *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: Языки динамического мира. М., 1999. С. 53.

² *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. С. 109. В этой же работе содержится

наиболее современный подробный анализ взглядов на проблемы изучения этих групп глаголов, а также обзор литературы по теме и терминологии, в том числе предложенной Л. Талми.

³ Этот термин используется в работе: *Гак В. Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 6–26.

⁴ Как и в немецком, см., в частности: *Павлов В. П.* Вариативность соединительного наречия и глагола в немецком языке // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. СПб., 2003. С. 284–325.

⁵ *Кацнельсон С. Д.* Заметки по словообразованию и синтаксису немецких глаголов движения // Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001. С. 828. Вслед за этим же автором «под абсолютным употреблением глаголов движения мы будем здесь понимать употребление их без пространственных уточнителей, без дополнительных указаний на направление движения» (там же. С. 826).

⁶ *Филлипенко М. В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 23.

⁷ *Гайсина Р. М.* К семантической типологии глаголов русского языка // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 18.

⁸ См. в особенности работы: *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. Ч. III: Тематические классы глаголов. С. 179–474; *Рахилина Е. В.* Стой, кто идет? // Слово в тексте и словаре: Сб. статей к 70-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 224–230; *Fillmore Ch.* How do We Know wheather You're Coming or Going // Essays on Deixis / Ed. dy G. Rauh. Tübingen, 1983. P. 219–227; *Goddard C.* Semantic Analysis: A Practical Introduction. Oxford, 1998.

⁹ *Воронцова М. И., Рахилина Е. В.* Об иконичности выражения глагольных ролей и грамматике конструкций. 2007. С. 1—<http://www.infoplex.ru/VORONTS.HTML>.

¹⁰ *Кацнельсон С. Д.* Заметки... С. 830.

¹¹ *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 374.

¹² *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика... С. 54.

¹³ Таким образом тест Филмора представлен по-русски в работе: *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 374.

¹⁴ *Кацнельсон С. Д.* Заметки... С. 819.

¹⁵ *Лайонз Дэс.* Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003. С. 323.

¹⁶ *Fillmore Ch.* Deictic Categories in the Semantics of Come // Foundations of Language. 1966. No 2. P. 219–227.

¹⁷ *Рахилина Е. В.* Стой, кто идет? С. 227.

¹⁸ Имеются в виду толкования в словаре: *Norsk riksmålsordbok*. Bd 1–6. Oslo, 1991. Об этом в русском языке см.: *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика... С. 56; см. также: *Рахилина Е. В.* Стой, кто идет? С. 229.

¹⁹ Подробнее об этом, а также о семантике конца как исходной и более важной чем семантика начала, так как конец — это всегда цель движения, и о возможности для конца восприниматься и как начало, см. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен. М., 2000. С. 239; *Майсак Т. А., Рахили-*

на Е. В. Семантика и статистика... С. 60; Ливанова А. Н. Концепт ende / slutt / конец в норвежском и русском языках // Материалы XXXVII Междунар. филол. конф. Вып. 2. СПб., 2008. С. 95–103.

²⁰ Кацнельсон С. Д. Заметки... С. 817.

²¹ Moreno A. I., Pastor A. O. Recategorizing Active Accomplishment Verbs of Induced Motion: A Semantic Approach within Role and Reference Grammar — www.skase.sk/Volumes/JTL01/moreno.pdf

²² Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 93; Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. *Glaza Maši golubye vs. Glaza u Maši golubye: Choosing Between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts // Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл–Текст». М., 1995. С. 150.

²³ Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 374.

Alexandra Livanova

FILLMORE'S TIME TEST APPLIED TO NORWEGIAN PATH VERBS

Path verbs in Germanic languages mostly are characterized by satellite space conceptualisation. It is assumed that in the few absolute arrival and departure verbs the so called Fillmore's time test allows to determine whether a verb's point of reference, or point of view, represents the beginning or the end of the path. Based on surveying of the Norwegian verbs *gå/komme* and *bringe/hente* it is argued here that 1) Fillmore's time test allows to find out the verb's focus of attention, not point of reference or point of view; 2) the focus of attention may rest at the middle point too.